

Я влюбился в свой текст, а он меня обманул

Кубытвр. - 2004. - 9-15 сент. - в. 4

Роман "Рахиль" Андрея ГЕЛАСИМОВА, опубликованный в журнале "Октябрь" вошел в "длинный список" премии "Букер - Открытая Россия" - 2004, а в рамках Московской международной книжной ярмарки был презентован уже отдельной книгой.

— Андрей, получается, что в литературу вы пришли сложившимся профессионалом, стилистом и аналитиком, знатоком теории литературы, и просто перенесли свои знания в практическую плоскость. Это и есть ваш рецепт успеха?

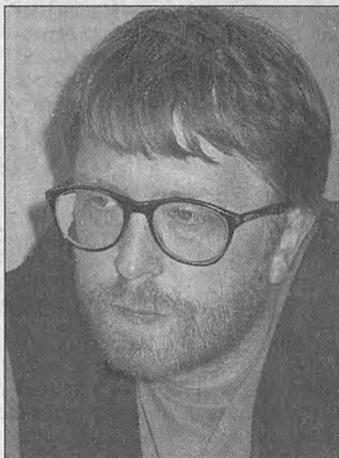
— Наверное, да. Сочиняю я с детства, но по-настоящему писать стал только после того, как защитил диссертацию. Детские опыты были обычным проявлением рефлексии не совсем здорового человека, но пока они не легли на определенную структурную базу и литературные знания, они не заиграли и не обрели вес. Честно говоря, я избегаю употреблять это слово — "успех". С одной стороны, мне пока рано о нем говорить, с другой — я вряд ли когда-то смогу соперничать с Б.Акулиным. Я просто пишу книжки, и то, что они будут востребованы большим числом читателей, — совсем не факт.

— Но они уже востребованы! Вашу "Жажду" читают молодые люди, которые книг вообще не читают.

— Правда? Мне очень приятно это слышать, честное слово. Мне не так давно сказали, что последние несколько месяцев "Год обмана" держится в сотне самых продаваемых книг крупнейшего книжного магазина "Москва". Меня это удивило, я и не предполагал, что пишу коммерческую литературу.

— Между тем многие упрекают вас в конъюнктурности. Та же "Жажда" повествует о молодых ребятах, вернувшихся из Чечни, где, как достоверно известно, вы сами никогда не были.

— Не был. Но внутренне я очень вовлечен в эти события, хотя бы потому, что как раз тогда у меня родились дети, и сама идея, что жизнь можно не только дать, но и забрать, меня глубоко потрясла. Ощущение боли потери было таким сильным, что не написать "Жажду" я просто не мог. В университет, где я преподавал, тогда возвращалось много студентов — мальчиков, которые воевали в Чечне. Они были моложе меня на десять — пятнадцать лет, но я видел, что они совершенно другие. Были моменты, когда я останавливал лекцию и начи-

А. Геласимов

нал с ними разговаривать. И разговоры эти были очень непростыми. Один такой мальчик как-то пришел ко мне в гости. Мы пили чай, болтали, веселились. А он сидел молча весь вечер. Когда он ушел, чайная ложечка была свернута в колючку...

Я думаю, писатель не должен оправдываться по поводу того, правду он изложил или придумал часть событий. Художественная правда не тождественна жизненной, она может быть намного сильнее и жестче. Я, по крайней мере, стремлюсь именно к этому.

— Критики нередко сравнивают "Жажду" с блокбастером и вообще всячески подчеркивают кинематографичность вашей прозы.

— Я очень люблю кино, это раз. И я учился на театрального режиссера, это два. Для меня имеют первостепенное значение решение пространства и драматичность действия. Приведу конкретный пример. Я пишу сейчас роман "Степные боги" и долгое время не мог решить одну сцену. У меня там бьют мальчишку, и как раз сцена драки долго мне не давалась, я писал ее раза три и все чувствовал, что не выходит. А потом представил, что поднимаю на кране камеру и снимаю драку с дерева. И я так и написал: если бы Петька был паучком и висел бы на самой вершине сосны, он бы даже лиц этих пацанов не разглядел. И текст пошел. Все решила мизансцена, а она была абсолютно кинематографична.

Я знаю, что не могу тратить время на долгие описания, я все время думаю о действии, которое держит зрителя (то есть, конечно, читателя) в напряжении. Это не значит, что кто-то обязательно кого-то убивает, —

драматичность может быть (и должна быть) даже в молчании. Главное — правильно выстроить паузу. Этому учил нас Анатолий Васильев. Это требование к театральному режиссеру я перенес в прозу: нельзя утомлять читателя и нельзя с ним заигрывать, нужно серьезно и просто рассказывать серьезные истории.

— Так вот почему вас называют основоположником нового сентиментализма.

— Да, действительно, и так называют, хотя сейчас я уже по-другому пишу. То особое нервное напряжение в текстах, с которыми я дебютировал, было связано с обстоятельствами моей жизни. Дети родились, болели, я нервничал. Было и общее ощущение стремительно и непонятно меняющейся страны, всеобщей бедности. Если критики хотят называть это новым сентиментализмом, пусть называют. Карамзин, английский писатель XVIII века — быть в этой компании мне не стыдно. Но дело, конечно, не в художественном направлении. Просто я находился в зоне эмоциональной бури и с помощью определенных средств сумел это передать. Теперь я из нее вышел и понимаю, что больше такую высокую ноту, как в "Жажде", уже не возьму. Недавно на книжной ярмарке в Лейпциге я встречался с русскоязычными читателями и читал им рассказ "Чужая бабушка". Я видел, что люди плачут, и одновременно понимал, что меня самого рассказ уже совсем не трогает, я изменился и как писатель ставлю перед собой другие задачи.

— Какие?

— Сейчас я пишу эпический роман, в котором нет камерных, частных историй, а есть история страны, в которую вписаны отдельные судьбы. Мне нравится ощущать себя архитектором, который должен думать не только о стиле и красоте проектируемого здания, но и его прочности. Роман, как и здание, должен стоять если не века, то хотя бы десятилетия.

— Большинство ваших героев — очень молодые люди. А теперь, значит, вы будете писать о взрослых?

— Я этого не говорил. Мне очень нравится молодежь. Я же десять лет преподавал, и собственный школьный опыт у меня, конечно, был. Вообще я всегда говорю, что можно от армии откосить, можно в тюрьму не попасть, но школы избежать невозможно, и это на самом деле очень серьезное испытание для каждого человека. Вы только вдумайтесь, кто работает в российских школах. Это да-

мы 30 — 40 лет, которые когда-то были самыми средними студентами пединститутов и судьба которых не сложилась, у них куча комплексов и личных проблем... И через это бабье царство должна пройти вся страна! Лично у меня это в голове не укладывается, и поэтому я так часто обращаюсь к этой теме.

— При чтении ваших произведений бросается в глаза не только схожесть тем, но и обилие сквозных персонажей, которые в одних романах являются главными действующими лицами, а в других упоминаются мельком.

— Мне нравится увязывать одно произведение с другим. В жизни же все очень связано! И потом на меня очень большое влияние оказал Уильям Фолкнер, у которого все герои жили в одном округе и, действуя в центре одних произведений, мелькали на периферии других. Это создает потрясающий эффект реальности и близкого знакомства с описываемыми людьми. И неважно, что все они придуманы. Возвращаясь к тому, о чем мы уже говорили вначале: я почти всегда пишу о том, чего со мной не было. Искусство интереснее жизни, у него больше изобразительных возможностей. Можно, конечно, подсмотреть чью-то историю и изложить "близко к тексту", но мне интереснее придумать ее, заставить работать свою интуицию.

— Ваш последний роман "Рахиль", опубликованный в середине прошлого года в журнале "Октябрь", критики упрекают в излишнем многословии, за которым теряется сюжет. Вы согласны с такой оценкой?

— Наверное, это справедливые упреки. С "Рахилью" у меня вышла очень странная история. Я влюбился в свой текст, а он меня обманул. Теперь я могу дать начинающим авторам очень дельный совет: от собственного текста нужно держаться на расстоянии и не доверяться ему целиком. Другая причина нелюбви критиков к роману, на мой взгляд, заключается в том, что главный герой — неудачник. Такой герой по определению не может нравиться, а мне было интересно исследовать человека в зоне поражения. И потом я, конечно, очень заторопился с "Рахилью": у меня были обязательства перед "Октябрем", и я, грубо говоря, гнал текст.

— Складывается ощущение, что вы стали заложником собственного успеха. Я, с вашего позволения, все-таки буду употреблять именно это слово. Оно очень точ-

но описывает вашу ситуацию: каждый год по роману, каждый год по номинации на престижную премию.

— Да, меня все подгоняли: мол, давай, пиши скорее, и мы завалим твоими книгами всю страну. И я взял неправильный темп. Сейчас я уже говорю издателю: "Отстаньте! Я буду писать столько времени, сколько нужно". Ведь для писателя год или два — это не срок, он на самом деле бежит марафонскую дистанцию и должен планировать свою жизнь на двадцать — тридцать лет вперед, в течение которых напишет несколько романов, и за них ему не будет стыдно. Признаться, из-за того, как сдержанно критики приняли "Рахиль", я одно время очень переживал, но потом вспомнил слова Иосифа Бродского о том, что провалов боится только средний поэт. Главное, что я работал над "Рахилью" и понимал очень важные вещи — про характерологию, про синтаксис. Этот опыт от меня уже никуда не уйдет, это колоссальный задел на будущее. Вообще в писательском деле важен не результат, а процесс, его непрерывность. Я пишу всегда и везде, даже в метро. Мне просто очень нравится это занятие.

Беседу вела
Анна МАРТОВИЦКАЯ

Фото автора

ДОСЬЕ

Андрей ГЕЛАСИМОВ родился в 1966 году в Иркутске. В 1987 году он окончил факультет иностранных языков Якутского государственного университета (ЯГУ), с 1988 по 1992 годы учился на режиссерском факультете ГИТИСа в мастерской Анатолия Васильева. В 1997 году защитил кандидатскую диссертацию по теме "Ориентальные мотивы в творчестве Оскара Уайльда", был доцентом кафедры английской филологии ЯГУ. Как прозаик Геласимов дебютировал в 2001 году с повестью "Фокс Малдер похож на свинью", которая тут же попала в шорт-лист премии Ивана Петровича Белкина. В 2002-м журнал "Октябрь" опубликовал повесть "Жажда", которая также номинировалась на премию Белкина и входила в лауреатскую тройку премии Аполлона Григорьева. В прошлом году издательство "О.ГИ." выпустило роман "Год обмана"